

ЛЮБОВНЫЙ ДЕТЕКТИВ

Татьяна **УСТИНОВА**
Анна и Сергей **ЛИТВИНОВЫ**
Евгения **МИХАЙЛОВА**
и другие :-)

**Анна и Сергей Литвиновы
Евгения Михайлова
Марина Крамер
Александр Руж
Татьяна Витальевна Устинова
Инна Юрьевна Бачинская
Дарья Александровна Калинина
Любовный детектив
Серия «Великолепные
детективные истории»**

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67060449
Любовный детектив : сборник рассказов: Эксмо; Москва; 2022
ISBN 978-5-04-163931-0*

Аннотация

Детективный рассказ требует от автора высшего мастерства, ведь закрутить интригу, расследовать преступление и разоблачить преступника надо всего на нескольких страницах. Этим даром блестяще владеют популярные писатели, чьи рассказы входят в сборники из серии «Великолепные

детективные истории». Наслаждайтесь новыми гранями их таланта!

Татьяна Устинова, Анна и Сергей Литвиновы, Евгения Михайлова – эти популярные писатели уже давно известны читателям как авторы не только захватывающих детективных романов, но и блестящих остросюжетных рассказов. «Любовный детектив» – новый сборник коротких историй этих и других талантливых авторов, которые наверняка увлекут вас и заставят забыть обо всех проблемах! Главной темой каждого из этих рассказов стала любовь, порой толкающая героев на совершенно неожиданные поступки. Но в финале, конечно, героев ждет счастливое соединение любящих сердец.

Содержание

Александр Руж	5
Инна Бачинская	54
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Любовный детектив

Сборник рассказов

Александр Руж

Две строки из Овидия

Что собой представлял румынский городок Констанца в середине XIX века?

Да ничего особенного.

Бывшая греческая, а потом римская колония, знаменитая тем, что на ее территории скончался сосланный императором Августом поэт Овидий. Бессчетное количество раз она переходила из рук в руки, принадлежала то византийцам, то болгарам, то османам, а ныне превратилась в задворки Российской державы. Милые такие задворки, с великолепным климатом, чудесными видами, но, к сожалению, настолько однообразные, что сюда ехали на отдых разве что престарелые пары, уставшие от суеты.

Анита Моррьентес, урожденная испанка, которую после эмиграции в Россию величали Анной Сергеевной, и Алекс, он же Алексей Петрович Максимов, вовсе не были престарелой парой. Аните недавно исполнилось тридцать, Алексу – немногим больше. И нечего было бы им делать в го-

роде стариков, если б не затейливая прихоть судьбы. Они путешествовали по Европе, но поездка не удалась: Аниту преследовали болезни, она перенесла сперва холеру, потом двустороннюю пневмонию. Во многом это заставило маленькую семью свернуть с намеченного маршрута и угнездиться в северном пригороде Констанцы, в курортном поселке, где, по заверениям местных докторов, соленый воздух, целебные грязи и живительное вино всячески способствовали восстановлению организма.

Русских, равно как и румын, в Констанце проживало крайне мало. Подавляющее большинство населения составляли греки и татары, переселившиеся из Крыма. Найти с ними общий язык оказалось не так просто: одни не понимали ни единого наречия, кроме родного, а другие в силу нелюдимости отмалчивались.

В середине сентября, когда стояла изумительная погода – с нежарким солнцем и легкими бризами, – в город прибыл отставной генерал от инфантерии Юрий Антонович Ольшанский с супругой Натальей Гавриловной. Строго говоря, их нельзя было причислить к законченным старикам: пятидесятилетний генерал смотрелся молодо, а его дражайшая половина хоть и слегка располнела с возрастом, но старалась следить за внешностью, подбирала наряды новомодных фасонов, делала на ночь маски из капустных листьев и ежедневно меняла прически – словом, не производила впечатления старухи, доживающей свой век.

Максимовы встретились с Ольшанскими волей случая. На центральной площади давал представление заезжий акробат Жан Родригес Мюллер (так значилось на афише), толпились зрители, среди которых Максимов углядел дородную чету в окружении многочисленной прислуги. По столь солидно-му эскорту угадать соотечественников можно было без труда. Вывод подкреплялся прочими немаловажными аргументами: веер с изображением Кремля в руке у барыни, исконно-посконные сарафаны у вившихся вокруг нее дворовых девок и крики «Вот шельмец! Ишь чего вытворяет!», которые генерал, захваченный кульбитами Мюллера, исторгал из луженой глотки.

Анита наклонилась к уху Алекса и негромко спросила:

– Пойдем познакомимся?

Максимов поморщился.

– Тоска зеленая... Этот индюк будет до бесконечности болтать о своих подвигах, а его матрона начнет расписывать, какое у них потрясающее имение под Рязанью и какие бесподобные георгины она выращивает в палисаднике. Тебе этого хочется?

Анита отдавала себе отчет в том, что Алекс, скорее всего, прав, но уж очень тянуло ее посудачить с общительными людьми, пусть даже о георгинах и взятии Эрзерума.

Максимов с неохотой пошел на поводу у жены, приблизился к генеральскому семейству и коротко, без экивоков, представил себя и Аниту. Провинциальные порядки позво-

ляли обойтись без длительных и никому не нужных церемоний.

Насчет общительности новых знакомцев Анита не ошиблась. Генерал, когда узнал, что Максимов – бывший военный, расцвел в улыбке, принялся панибратски хлопать его по плечу и свистящим шепотом травить скабрзные анекдоты из армейской жизни. А госпожа Ольшанская приобняла Аниту и стала доверительно распространяться... нет, не об имении с палисадником, а о сыне Васеньке, который в свои двадцать два дослужился до поручика, участвовал в Бухарском походе и, по всему виду, сделает головокружительную карьеру, почище папенькиной. Это вызывало у Натальи Гавриловны одновременно гордость и материнскую тревогу.

Ольшанские устроились в Констанце роскошно – сняли в престижном районе, в непосредственной близости от моря, двухэтажный особняк в псевдоэллинистическом стиле, с атлантами и кариатидами. В первый же вечер Аниту и Алекса зазвали на ужин. Отказываться от радушного приглашения было неудобно.

Меню, под стать особняку, состояло из греческих блюд. Смесь запеченных баклажанов со специями, салат из помидоров, сдобренных размоченными сухарями и брынзой, шашлыки-сувлаки, жареные бараньи ребрышки, пахлава с начинкой из орехов – вот далеко не полный перечень снеди, которой был уставлен стол. Генерал особенно налегал на тушеную требуху ягненка, обернутую кишками, и говорил,

что, не попробовав этот деликатес, постичь греческую душу невозможно. Ни Анита, ни Алекс к сомнительному яству не притронулись. Максимов мысленно рассудил, что если б у него возникло желание постичь греческую душу, он бы поехал в Грецию.

Единственным негреческим и даже неевропейским лакомством был экзотического вида фрукт, похожий не то на тыкву, не то на дыню с шипами. Наталья Гавриловна отрекомендовала его как африканский огурец. У него и вкус был соответствующий – огуречный, только с бананово-лимонным оттенком.

– Кухарка моя вчера на рынке купила. Дорогуший! – похвасталась госпожа Олышанская. – Говорят, из Палестины привезли.

Гости, чтобы не обижать хозяев, попробовали по ломтику, не впечатлились и перешли на более традиционные закуски. Генерал подливал Максиму ракию, Аните – красное вино и рокотал без умолку.

– Вы не представляете, каково это – воевать с кавказцами! Азиатчина! Ты против них с открытым забралом, а они тебе нож в спину...

– Я воевал, – скромно заметил Максимов.

– Господа, господа! – засуетилась Наталья Гавриловна. – Давайте не будем о войне. Юрий Антонович меня и так каждый божий день воспоминаниями потчует, а я потом полночи не сплю, за Васеньку переживаю...

– Как хочешь, – покладисто отозвался генерал. – Вчера газеты писали: в Валахии вспышка оспы. Не ровен час и сюда доберется...

Наталья Гавриловна всплеснула надушенными ладошками.

– Да что ж такое! Неужто ни о чем хорошем не потолковать? Смотрите, какая благодать кругом! Солнце, волны, умиротворение... Разве может в эдаком раю найтись место злу? Истинное царство добра!

– Еще как может, – ядовито буркнул Максимов, опорожнив третью чарку ракии. – Не забывайте, что мы с вами здесь в роли колонизаторов. Нас терпят, но это до поры. Помните недавний бунт в Дунайских княжествах? Это первый звонок. Настанет время – выметут метлой, и поминай как звали.

– Господь с вами! – замахал волосатыми ручищами господин Олышанский. – За что нас выметать? Мы несем на периферию свет цивилизации, дарим народам достижения прогресса. Они на нас молиться должны!

– А по мне, – снова вступила в полемику Наталья Гавриловна, – народы объединяет не прогресс и тем паче не военная сила, а любовь.

– Это вы Овидия вспомнили? – предположила Анита. Она сидела с бокалом вина и брала по одной оливке из фарфоровой розетки.

– Вы читали? – оживилась госпожа Олышанская. – Я слышала, у него есть волшебные стихи. Но местами он ужасно

неприличен! Именно поэтому его не переводят в России.

– Неприличен? Может быть... Но в меткости высказываний ему не откажешь. Моя любимая цитата: «Целомудренная та, которой никто не домогался».

Анита произнесла это с невиннейшим видом и опустила глаза к тарелке с остатками помидорно-сухарного салата. Наталья Гавриловна зарделась, метнула взгляд на супруга, который, причмокивая, обгрызал баранье ребрышко, и ни с того ни с сего накричала на девку, подавшую ей полотенце.

Так закончился этот прием. А наутро выяснилось, что зло на сказочном черноморском побережье властвует точно так же, как и везде.

Пробудившись, Максимов ощутил в теле озноб. Решив, что перекупался накануне в море и подхватил легкую простуду, он не отступил от выработанных годами привычек и приказал служанке Веронике подать кувшин холодной воды для умывания, разоблачившись до пояса. Вероника так и застыла, уставясь на его обнаженный торс.

– Что моргаешь, дура? – рассердился он. – Лей!

– Алексей Петрович! – проблеяла Вероника, тыча пальцем в его грудную клетку. – У вас... там...

Максимов нагнул голову, увидел разбросанные по коже красноватые пупырышки и нахмурился. Увиденное ему не понравилось. На зов Вероники прибежала Анита, уговорила съездить к врачу. В больнице их принял смуглый болгарин, еле-еле изъяснявшийся по-русски. Глянув на сыпь, он взвол-

новался и категорически заявил, что больного необходимо немедленно поместить на карантин.

– Это с какой радости? – набычился Алекс.

На что лекарь вымолвил одно-единственное слово:

– Оспа.

Далее разъяснилось, что эпидемия, о которой читал в газетах генерал Ольшанский, распространилась за пределы Валахии, нескольких зараженных выявили и в Констанце. Власти постановили принять жесткие меры к пресечению болезни. Любого, у кого проявятся симптомы, похожие на оспенные, предписывалось как минимум на неделю изолировать от окружающих. Два дюжих брата милосердия с рожами закоренелых колодников взяли Максимова под руки и, несмотря на сопротивление, сволокли на самую дальнюю окраину города. Там стоял длинный дощатый барак, разделенный на два или три десятка тесных комнатенок. В одной из них и заперли больного, замкнув дверь снаружи.

Взбешенный Алекс с полчаса громыхал кулаками и изрыгал матерные проклятия, покуда не утомился. Присев на деревянный лежак, застеленный линялым бельем, он оглядел свою темницу. Пять шагов в длину, три в ширину. Из мебели кроме кровати грубый табурет и помойный бак, который использовался еще и в качестве уборной. Низкий потолок, зарешеченное оконце. В двери проделан лючок для просовывания пищи – совсем как в тюремных камерах. Пол голый, каменный, зимой от него, наверное, веет ледяным холодом.

В клетушке стояла духота, воняло нечистотами.

Максимов шатнул дверь, она не поддалась. Он подошел к окошку, выглянул наружу. Ландшафт предстал идиллический: зеленый лужок, окаймленный купами раскидистых лип, за ним пологий холм, с которого сбегал шустрый ручеек. Над всем этим – безмятежная синева неба с кудряшками облаков. Вписать в этот пейзаж парочку влюбленных – и будет полная гармония.

Но сейчас не до лирики. Комната, куда поместили Максимова, была в бараке крайней, то есть из четырех ее стен только одна смыкалась с соседним узилищем, где мог быть заперт кто-то еще.

Алекс с маху саданул каблуком в стену. Сделанная из дуба, она отозвалась глухим гулом. Доски аккуратно пригнаны друг к другу, проконопачены, докричаться будет сложно. Но попробуем.

Максимов сделал глубокий вдох и гаркнул во всю мощь голосовых связок:

– Эй! Есть тут кто?

Из-за стены не донеслось ни звука, зато отворился лючок в двери, и в квадратный проем просунулась физиономия турка с тонкими обвислыми усами. Это был страж карантинного блока.

– Цего орес? – выговорил он сердито. – Орать не велено. Велено молцать.

И скрылся, захлопнув железную заслонку.

Максимов завалился на лежак, пристроил под затылком набитую прелым сеном подушку и задумался. В голове пульсировали обрывки мыслей: «Влип так влип! Хорошо, если Нелли догадается обратиться к наместнику, он меня знает... Хотя наместник далеко, в Бухаресте, двести с гаком верст отсюда. И вообще... вдруг и вправду оспа?»

От безрадостных размышлений его отвлекло едва слышное постукивание. Он привстал, наострил уши. Стучали в ту самую стену, куда он безуспешно долбилс пол часа назад.

Его как ветром сдуло с лежака. Он на цыпочках подошел к стене, присел на корточки, прислушался. Сигнал повторился, и теперь в нем отчетливо различалась система: короткие удары, длинные, короткие, длинные. Максимов хлопнул себя по лбу: азбука Морзе! С распространением в мире электрического телеграфа многие образованные люди заинтересовались кодированием слов при помощи точек и тире. Алекс, с его инженерным образованием, знал этот шифр в совершенстве.

Он оглянулся на дверь – заслонка была опущена – и осторожно побарабанил костяшками пальцев, выстроив короткую фразу:

«Кто вы?»

С минуту царила тишина, после чего с той стороны отступали:

«Алекс, ты балбес. Это мы с Вероникой».

«Вы здесь? – протелеграфировал ошеломленный Макси-

мов. – Вас тоже закрыли?»

Засим последовал диалог следующего содержания:

«Представь себе. Симптомов у нас нет, но поскольку мы были с тобой, эскулапы решили перестраховаться».

«Вот сволочи! Непременно напишу в Бухарест, как только выпустят».

В запале Максимов взялся колотить в стену чересчур сильно, и беседа была прервана все тем же надзирателем. Он лязгнул железкой, заругался:

– Цего стуцис? Стуцать не велено...

– Да пошел ты! – рявкнул Алекс.

Ему надоело сидеть смирно и повиноваться какой-то шантрапе. Шагнув к двери, он скорчил свирепую мину.

– Слышь, ты, чучело! Принеси чего-нибудь поесть, у меня брюхо от голода свело. Или у вас тут пациентам харчи не полагаются?

– Обеда будет через два цаса, – менторским тоном прокрипел сторож.

– Ну, тогда катись отсюда! А то плюну тебе в харю, к вечеру коростой покроешься.

Максимов демонстративно собрал во рту слюну, и турок ретировался. Не очень ему хотелось подцепить смертоносную заразу.

Анита не лукавила, да и какой был резон? Ее с Вероникой тоже определили на изоляцию – как потенциальных разносчиков инфекции. Каморка им досталась чуть попросторнее,

с двумя лежанками и тюфяками. Но до гостиничного номера или на худой конец постоянного двора она ни в коей мере недотягивала. Перспектива провести здесь неделю вгоняла в беспросветную ипохондрию.

Максимов же, сведав, что Анита и Вероника находятся в аршине от него, пусть и за дубовой перегородкой, слегка воспрял духом. Да, он лишился возможности немедленно связаться с представителями метрополии и выразить протест, однако в некоторой степени успокоился. С близкими все в порядке, это главное. Неделю как-нибудь вытерпят, а там – если, тьфу-тьфу, проклятая сыпь сойдет и озноб уляжется, выйдут на волю и уж тогда-то тупицам, учинившим произвол, мало не покажется.

Рассуждая так, Алекс дождался обеда, он получил из рук вертухая жестяную миску с чечевичной похлебкой, кус ржаного хлеба и кружку с водой, слабо разбавленной вином, и устроился на табурете напротив окна. Зачерпнул ложкой баланду, попробовал. М-да, не только обстановка тюремная, но и кормят, как арестантов в остроге – паршивее не придумаешь. После лукуллова пира у Ольшанских – совсем гадко.

Чтобы отвлечься от вкусовых качеств больничной бурды, он стал смотреть в оконце и обратил внимание на то, что девственный прежде пейзаж преобразился. На лужок из липовой рощицы вышла девушка, одетая в национальном румынском стиле: свободная рубаха с длинными узорчатыми рукавами, алая шерстяная юбка, по сути, просто отрез по-

лотна, обернутый вокруг бедер, на голове – венок из ромашек. Волосы у молодки были заплетены в две косы, по обычаю здешних незамужних девиц, а обувь отсутствовала. К сожалению, расстояние не позволяло Максиму разглядеть черты ее лица, но он почему-то не сомневался, что они прекрасны. Девушка вела за собой прелестную козочку, как Эсмеральда из романа Гюго. Ни дать ни взять античные буколки! Овидий с Вергилием остались бы довольны.

Максимов прикипел взглядом к незнакомке и уже механически хлебал невкусный суп, заедая его черствой горбушкой. Он как будто перенесся в театр, ему не мешали ни прутья в окне, ни спертый воздух, ни убогость окружавшей обстановки.

Пастушка отпустила козочку, и та побрела к холму, меланхолично пощипывая травку. Солнце уже спускалось к горизонту, день клонился к вечеру, но Максимов знал наверняка, что там, вне закупоренной со всех боков деревянной коробки, холода не чувствуется. Красавица села посреди изумрудных стеблей, выставила из-под юбки сахарного цвета ножку и устремила взор в направлении высокого каштана, росшего справа от холма. Она кого-то ждала.

– Закончил, нет?

Противное кряканье надсмотрщика отвлекло Алекса от созерцания благолепной картины. Он недобро зыркнул на дверь, просунул в лючок кружку с миской и вновь уселся на табурет. Заслонка не упала, турок с любопытством пропих-

нул крючковатый нос в отверстие.

– Цего смотриш? Сто там?

Максимов стянул с лежака подушку, тщательно потер ею об себя и запустил в ненавистное рыло. Подействовало: тупок молниеносно убрался, клацнула стальная пластина.

Пастушка на лугу проявляла признаки нетерпения, поглядывая на каштан, потом встала, обошла его вокруг, погладила пасшуюся козочку. Максимов и сочувствовал бедняжке, и втайне опасался, что явится какой-нибудь деревенский мужлан, облапит ее, начнет по-медвежьи тискать, внеся диссонанс в изысканный спектакль.

Тук-тук-тук! Вот и диссонанс, только не зрительный, а слуховой. Анита, задетая долгим молчанием супруга, напомнила о себе.

«Не спишь? Чем занят?»

Алекс задергался, словно она поймала его на чем-то постыдном. Хотя что тут постыдного? Томится человек в неволе и скрашивает свое жалкое существование единственным доступным ему способом – обзревает мир через зарешеченный глазок. И не виноват он, что в этот мир вписалась неведомая фея со своей домашней живностью.

«Лежу, хандрю. Думаю о тебе», – отстучал он, помедлив.

Анита не относилась к породе ревнивых сумасбродок и вряд ли стала бы впадать в ярость из-за того, что болящий, измученный сплином муж позволил себе засмотреться на бедную селянку. Но что-то помешало Алексу поделиться

впечатлениями от увиденного. Сейчас все на взводе, никто не предскажет реакцию...

Они поперестукивались еще немного. Анита беспокоилась, как он там, как его самочувствие. Пес бы с ним, с карантинном, лишь бы болезнь не усугубилась. Максимов отвечал лаконически: ничего не болит, знобит уже меньше, краснота спадает. Чуть погодя он сослался на усталость, Анита пожелала ему спокойной ночи и умолкла.

Он поспешно вернулся к окну, в последних отсветах зари успев увидеть, как пастушка с низко опущенной головой грустно бредет прочь и уводит козу. Если и затевалось у нее свидание с пылким поклонником, то сегодня оно сорвалось. Как принято у героинь любовных элегий, она ушла в закат, растаяла в розовой пене.

Светильников в бараке не предполагалось. В амбразуру проникла тьма, заполнила все миниатюрное пространство. Настала ночь. Максимов долго не мог уснуть. Виною тому отчасти были бегавшие по полу тараканы, бугристый лежак, колкое сено, лезшее сквозь наволочку, и прочие неудобства, но, чего греха таить, хуже тараканов одолевали мысли. Он задавался вопросами: кто эта прелестница? кого она ждала? отчего ушла в такой печали?

Кабы не вынужденное затворничество, не терзался бы он тем, что впрямую его не касалось. Какая-то крестьянка, которую он видит впервые и даже имени не знает... Какое ему до нее дело? Тем не менее ум, обреченный на праздность,

искал любого занятия, пускай самого чепухового и не имеющего практической пользы. В итоге беспочвенное гадание вылилось в бессонницу, сменившуюся под утро липкой и тяжелой дремой, какая бывает у перебравших пьянчуг.

Проснулся Алекс с головной болью, рассерженный на себя. Далась ему эта деваха! В каждом хуторе – что румынском, что русском – таких пруд пруди. Думать надо не о ней, а о собственном будущем и о тех, кто по-настоящему дорог. Поэтому, едва поднявшись с лежака, он простучал Аните в стену:

«Как ты, любимая? Уже встала?»

«Встаю, – отозвалась она. – Вероника выпросила у Рахима горячей воды, сейчас будем умываться».

Рахим? У пугала с усами, оказывается, есть имя.

«Вы с ним подружились?»

«Познакомились. Раз уж очутился в аду, с чертями лучше поддерживать хорошие отношения».

«И что вы еще у него выпросили?»

«Так, мелочь. Запасную простыню, полотенце побольше, восковую свечку, чтобы не было темно, и два гвоздя».

«Гвозди-то зачем?»

«Вероника вбила их башмаком в дверной косяк, и теперь можно вешать одежду, чтобы ночью не мялась».

Алекс вздохнул. Какая чепуха заботит женщин! Уж он бы вытребовал что-нибудь посущественнее: рюмку старки, бифштекс из ближайшего трактира, колоду карт, чтобы за

пасьянсом скоротать срок заключения.

Но дружба с соглядатаем не завязывалась ни в какую. Когда тот просунул в келью тарелку с завтраком (овсяная каша-размазня, безнадежно остывшая и комковатая), Алекс вместо приветствия и благодарности приложил его соленым словцом. Что поделать? Не поворачивался язык любезничать с тюремщиком.

День тянулся бесконечно долго. Максимов ходил из угла в угол, выстукивал Аните нежные послания, отчего к полудню пальцы распухли, и пришлось сделать паузу в общении.

А после обеда из рощицы, как мифическая дриада, появилась она – вчерашняя пастушка. На ней было то же облачение, а позади шла коза, позвякивая бубенчиком на шее. Узрев неразлучную парочку, Максимов позабыл обо всем на свете. Он вновь устроился на табурете, точно зритель в ложе, и, подперев рукой небритый подбородок, стал смотреть.

Первые часа полтора не происходило ничего. Девица сидела на траве, плела из стебельков подобие корзинки и заметно кручинилась. Но внезапно из-за каштана выступил статный молодец, одетый в широкие холщовые штаны и безрукавку, перетянутую на гуцульский манер кожаным поясом со множеством кармашков.

Это был, несомненно, тот, кого она ждала весь предыдущий день. Завидев его, девица вскочила и стремглав прыгнула к нему в объятия. Максимов отвел глаза. Ему подумалось, что неприлично подсматривать за интимным действием.

Однако любопытство пересилило, и он опять глянул в окошко. Влюбленные целовались, стоя у подножия холма. Поцелуи были жаркими, что свидетельствовало о неподдельной страсти. Увлечшийся кавалер сбил со своей дамы венок, распушил волосы, отчего она сделалась еще соблазнительнее, и потянул кверху край ее рубахи. Пастушка перехватила его руку и мотнула головой в сторону барака. Кровь прилила к щекам Максимова, ему показалось, что его рассекретили. Но в следующую секунду он уверил себя, что на таком отдалении пара могла видеть только стену с бликующим на солнце стеклянным окном, и ничего больше.

Влюбленные посовещались, после чего парень в безрукавке, как пушинку, поднял свою пассиву на руки и унес в рощицу, подальше от чужих глаз. В следующий час покой нарушали только меканье козы и звон колокольчика.

Максимов сидел, задумавшись. Он вспоминал раннюю молодость, знакомство с Анитой, безмятежные прогулки под сенью псковских лесов в родительской усадьбе. Тогда и он был столь же горяч, как этот парубок, одержим душевным и плотским влечением, – голова кружилась, а сердце пело. Славные были деньки! Годы брака утихомирили его, сделали хладнокровнее и, наверно, черствее. Но это неправильно! Любовь не должна превращаться в привычку, рутину, обыденность, иначе грош ей цена. Угасшее чувство сродни пеплу, который рассеивается от малейшего дуновения.

Копошившиеся в голове думы растревожили Алекса. Он

подошел к стене, хотел простучать Аните, что любит ее по-прежнему, но не стал. А ну как она заинтересуется, с чего ему вздумалось касаться сокровенных тем в не самый подходящий момент? Уж лучше поговорить об этом позже – когда можно будет заглянуть в ее бархатные глаза, дотронуться, подхватить на руки и унести в липовую... или какая подвернется... рощу, а далее все сложится само собой. И не нужно лишних слов.

Приятные грезы привели Алекса в более-менее сносное расположение духа. А тут и те двое вышли на луг, немного растрепанные, но счастливые. Вот и замечательно, подумал Максимов. У людей свое счастье, а у меня свое.

Больше в этот вечер в окно не глядел.

Минуло еще три дня. Он мало-помалу обживался в своем застенке: лежак уже не казался таким жестким, а приносимая Рахимом еда – несъедобной. Вдохновляло то, что до освобождения оставалось всего трое суток. Максимов не сомневался, что освобождение настанет. Сыпь постепенно сходила, он чувствовал себя здоровым и полным сил. Один раз к нему заходил врач-болгарин, тот самый, что упек его сюда. Алекс едва сдержался, чтобы не свернуть поганцу челюсть. Коновал предвидел это, посему привел в качестве телохранителей двух жандармов с саблями наголо.

– Вы же видите, нет у меня оспы! – доказывал Алекс, задрав сорочку.

– Сие не есть факт, – философски парировал доктор и

присовокупил: – След седмица ще видим.

Максимов считал уже не дни, а часы до истечения трехклятой седмицы, а покамест продолжал свои наблюдения за Адонисом и Афродитой (так он прозвал их про себя). Что, скажите на милость, еще делать в затворе? Он утешал себя заверениями, что нет в этих подглядках ничего крамольного. Голубки на лугу только ворковали и иногда обменивались поцелуями. Для иных упражнений они предусмотрительно удалялись под защиту деревьев.

Помыслы о том, кто эта девушка, перестали докучать Алексу. Он удостоверился, что ее воздыхатель достаточно воспитан и в какой-то мере галантен и она не противится его ухаживаниям. Дело, вероятно, шло к свадьбе. Что ж, совет вам, как говорится, да любовь.

Однако на пятый день ситуация изменилась. Максимов, как всегда, в обед черпал ложкой жижу из миски. В окно он смотрел рассеянно, просто по обыкновению, как вдруг краем глаза уловил какое-то движение на вершине холма. Парочка в это время возлежала под каштаном и о чем-то щебетала. Слов Алекс не разбирал, их глушило толстое замутненное стекло.

На холме показался человек. Солнце светило ему в спину, он представал черным зловещим силуэтом. Можно было определить, что это мужчина, широкоплечий, кряжистый и, по видимости, не слишком молодой. Его одеяние состояло из кожуха и барашковой шапки, что скорее годилось бы для

ранней осени где-нибудь в Архангельске, а не на побережье Черного моря. Он взглянул вниз и схватился за бедро, на котором висели короткие ножны. Максимуму стало не по себе, он выронил миску.

Эпизод был драматический. Личность на холме, очевидно, не приветствовала происходившее под каштаном. Мощная лапища выдернула из ножен кинжал, он сверкнул, как протуберанец. Ни Адонис, ни Афродита не обращали внимания на то, что творилось у них над головами. Максимов вскочил и поднял табуретку, преисполненный решимости вышибить стальные стержни вместе со стеклом и предупредить несчастных об опасности.

Все обошлось. Адонис, что-то надумав, поднялся, наспех лобызнул Афродиту и исчез. Это предотвратило кровавую развязку. Человек на холме потоптался в нерешительности, глядя на пастушку, спрятал кинжал и тоже скрылся.

Идиллия на виду у непрошеного свидетеля рассыпалась, как расколотое зеркало. Максимов не находил себе места. Выяснилось, что у счастливой пары имеется недоброжелатель, вынашивающий ужасные намерения.

Как быть? Алекс занес кулак, чтобы грохнуть в дверь. А толку? Чурбан Рахим не выпустит, у него инструкции, он соблюдает их беспрекословно. Рассказать ему всю историю сначала – не поверит, подумает, что это уловка затворника, желающего улизнуть.

Максимов потерял посиневшие фаланги – результат еже-

дневных переговоров через стенку – и простучал Аните:

«Я обязан кое-что тебе рассказать. Наберись терпения».

Терпение потребовалось большей частью ему самому. Кисть руки нещадно ломило, и когда он закончил повествование об Адонисе, Афродите и неизвестном злодее, она готова была отвалиться. С некоторой опаской он ждал, как отзовется Анита.

«Опиши мне всех троих, – взяла она деловой тон, и он облегченно выдохнул. – Ничего не пропускай».

Окно комнатухи, в которой отбывали заточение Анита с Вероникой, выходило на пустырь с кучей мусора, поэтому они не имели возможности видеть то, что наблюдал Максимов.

Он подавил стон, попробовал выстукивать левой, но получалось медленно и неровно, Анита периодически не разбирала слов, переспрашивала.

«Ты мне веришь?» – завершил он затянувшийся отчет.

«Как я могу тебе не верить? Ты красноречив, я будто вижу все собственными глазами. Замышляется убийство, и мы должны его предотвратить».

«Для начала надо из этой конуры выбраться».

«Выберемся. Положись на меня».

Ночь Алекс провел как на иголках. Ему представлялось, как завтра юные любовники встретятся на лугу, не исключено, что позволят себе что-нибудь фривольное. Отелло с кинжалом в исступлении набросится на них, и страшно вообра-

зять, чем все обернется.

Закемарил он только на рассвете, но был разбужен требовательной морзянкой.

«Алекс, действуем! Запоминай указания...»

Он запомнил, повторил и весь напрягся, как сжатая пружина. После почти недельного простоя предвкушение действий было отрадным, отзывалось упоительной истомой.

В урочный час взвилась заслонка, и в дырке нарисовалось обличье Рахима.

– Голодный, да? Принимай завтрак!

Максимов, придав лицу загадочности, взял протянутую посудину без ругани и без угроз. Рахим почуял неладное, сощурился.

– Сто случилось? Цего такой?

Алекс поманил его к себе:

– Хочешь узнать?

– Хоцу.

Цербер вдавил коричневую от загара ряху в квадрат лючка. И сделал это напрасно, ибо Максимов проворно уцепил пальцами усы-бечевки.

Жестоко обманутый Рахим дернулся назад, и ему удалось отодвинуться от лючка дюймов на пять. Это входило в расчеты Алекса – он рванул кончики усов на себя, и азиат с маху врезался головой в ржавую полосу, одну из тех, какими была обита для прочности дверь. Тот захрипел, закатил гляделки. Максимов выпустил его и услышал, как он мешком свалился

у порога.

Свою миссию Алекс выполнил, теперь дело за Анитой.

Не прошло и минуты, как забрякал ключ в замке, и дверь отворилась.

– Выходи! Быстро!

– Нелли! – Он перескочил через лежавшего без сознания турка и стиснул Аниту в кипучем порыве. – Как же скверно без тебя!

– Я тоже тебя люблю, – проговорила она. – Но если промедлим, рискуем снова очутиться в каталажке.

С этим сложно было спорить. Максимов бегло оглядел местность. Никого, но в любой момент кто-нибудь может появиться. О том же думала и Вероника, боязливо топтавшаяся поодаль.

– Алексей Петрович, спрячьте этого борова куда подальше. Увидит кто – решат, чего доброго, что вы его уколошили...

Алекс взял Рахима под мышки и втащил в затхлую каморку, из которой только что выбрался.

– Полежи-ка, друг ситный, отдохни от трудов праведных...

Он не преминул обыскать османа. Огнестрельного оружия не нашел, но позаимствовал перевязь с болтавшимся на ней ятаганом.

– Как скоро он очнется? – уточнила Анита, захлопнув дверь и заперев ее ключом со связки, которую перед тем от-

цепила от пояса турка.

– Минут через пять, не раньше.

– Успеем добежать до леса!

Никем не замеченные, они ввалились в рощицу, где Адонис с Афродитой по вечерам предавались плотским утехам, и остановились отдышаться. Максимов привалился к шершавому стволу, с жадностью глотая свежий, напитанный ароматами трав воздух.

– Как вам удалось выйти из камеры? – вымолвил он меж двумя судорожными вдохами.

– Пустяки. – Анита дышала еще прерывистее, ей мешал тугой корсет под платьем. – Посветила свечой в скважину, увидела, что замок простой. Сделала восковой слепок, а потом из двух гвоздей смастерила отмычку.

– Умница! – восхитился Максимов и был одарен взаимным комплиментом:

– Твоя школа. Быть замужем за инженером и не освоить элементарные технические премудрости – согласишься, было бы странно.

Алекс приник к ее губам. В нем все бурлило, хмель свободы ударил в мозг, вызволил из тайников всевозможные желания. Альковный антураж рощицы тоже действовал возбуждающе. Кабы не присутствие служанки, не удержался бы, поступил подобно Адонису.

Анита поймала его алчный взор, насупила бровки-ниточки. Максимов уныло кивнул. Что и говорить, случай отнюдь

не располагающий к эротическим удовольствиям.

Вероника барских перемигиваний не заметила, ее заботило другое.

– Лексей Петрович, Анна Сергевна, куда ж мы теперь по-
дадимся?

У Аниты все было просчитано заранее.

– Ты остаешься здесь, – скомандовала она Алексу. – При-
сматривай за лугом.

– Рахим вот-вот оклемается, поднимет тревогу...

– Искать нас рядом с бараком никто не станет. И не пере-
оценивай наши особы. Поднимать по такому мелкому пово-
ду роту солдат и прочесывать округу – слишком много чести.

– А ты куда?

– Прогуляемся с Вероникой в город. Хочу кое-что разуз-
нать, пока есть время.

– В город?! Там же полиция, жандармы...

– Полиция и жандармы следят за неблагонадежными. По-
сле прошлогоднего восстания у них одна забота – вовремя
вылавливать смутьянов. Мы выглядим прилично, к мятежу
не подстрекаем, с какой стати кто-то вздумает к нам приди-
раться? Мы не преступники, и наши портреты на столбах не
развешаны. Успокойся.

– А если все же?.. – заикнулся Максимов, не вполне убеж-
денный этими доказательствами.

– Тогда ты нас вызволишь. – Анита чмокнула его в щеку. –
Все! Некогда... как это говорят в России?.. точить lyasi.

– Лясы, – поправил Максимов механически.

– Жди и никуда не уходи – по крайней мере, до вечера.

Если к закату не вернемся, значит, что-то случилось. Но это маловероятно.

Максимов привык полагаться на рассудительность жены, поэтому хоть и без охоты, но принял ее доводы и занял позицию в рощице, укрывшись за огромным муравейником. С этой точки в просветах между деревьями просматривались и луг, и холм, и стоявший сбоку инфекционный барак. Вскоре после ухода Аниты и Вероники со стороны последнего донесся гвалт. Алекс вжался в дерн и напряг зрение. Возле дощатого строения возникли два санитары, один из них заглядывал в оконце и, по-видимому, переговаривался с запертым Рахимом.

Уверившись, что произошла подмена, санитары высадили дверь и вызволили бедолагу. Рахим вышел, качаясь, как моряк после длительного рейса, и визгливо затараторил порумынски. Этим языком Максимов не владел, однако легко было догадаться, что опозоренный страж призывает скорее настичь беглецов. К его досаде, санитары не проявили рвения, ограничились двумя-тремя фразами и удалились восвояси. Следовало принять в расчет, что они доложат о случившемся руководству. Но пока оно среагирует, примет решение, кого-нибудь пришлет – пройдет целая вечность.

Схожее умозакключение сделал и Рахим. Сгорбившись и держась за ушибленный череп, он отпустил по адресу сани-

таров что-то оскорбительное и ухромал в другой конец барака, в свою сторожку.

Не ожидая более сюрпризов от своих бывших притеснителей, Максимов сосредоточился на холме и прилежавшем к нему травянистом ковре. Солнце просеивалось сквозь кроны лип, ласкало спину. После гадкой сумрачной будки Алекс ощущал немыслимое блаженство. Его разморило, он смежил веки и раскинулся в позе морской звезды, позабыв, где и для чего находится.

Из нирваны его вывел шелест шагов. Максимов вмиг поджался, как перед прыжком в воду, и с осторожностью выглянул из-за муравейника. Через рощицу шла пастушка. Сегодня она была отчего-то без козы, выглядела взволнованной и поминутно озиралась. Выйдя на луг, она сразу устремила к каштану, и оттуда ей навстречу показался Адонис. Он, видимо, подошел чуть раньше и ждал ее, стараясь не маячить на виду.

Они зашептались, но Максимов, как ни старался, не разобрал ни слова. Адонис казался смурным и настороженным. Разговаривая, парочка посматривала то на верхушку холма, то на барак. Максиму подумалось, что они осведомлены о нависшей над ними угрозе, но не знают, откуда она исходит.

Если бы не наказ Аниты, он без раздумий подошел бы к ним и заговорил о вчерашнем субъекте с кинжалом. Но обещание есть обещание.

За шиворот заползли муравьи, он вытряхнул их и продвиг-

нулся вперед, сменив наблюдательный пункт, чтобы лучше видеть место основного действия.

На холме явилась черная фигура. Она как будто выросла из пологой вершины, и Максимов узнал давешнего типа в кожаной и барашковой шапке. Тот возвышался косматым фантомом, и на сей раз Адонис с Афродитой его заметили. Оба загалдели, Афродита попятилась к каштану, Адонис смело заслонил ее собой и выхватил из-под безрукавки нож, который выглядел не менее внушительно, чем оружие противника.

«Молодец, парень», – оценил его предусмотрительность Максимов и на всякий случай положил подле себя реквизированный у Рахима ятаган. Дело пахло поединком, и он не намеревался соваться туда, куда дуэль будет идти честно. Но от гаврика в кожаной шапке можно ожидать чего угодно. Что ж, коли возникнет надобность вмешаться, – извольте.

Афродита стояла, прижавшись к каштану, а дуэлянты кружили по лугу с выставленными клинками, как два клювастых беркута, готовящихся к схватке.

Первым выпад сделал разбойник в шапке – Максимов окрестил его так сразу и бесповоротно. Адонис отбил удар, сделав это, пожалуй, с излишним ухарством.

Рубились безмолвно, лишь надсадно кряхтели. Что до Афродиты, то она закаменела, как статуя, и не издавала ни звука.

Силы сражавшихся были примерно равны, и Макси-

мов настраивался на затяжную борьбу, но все закончилось неожиданно и трагически. Разбойник наседа на Адониса, тот отступал зигзагами, не видя, что там, позади. Кинжал вжикнул в вершке от его правого уха, Адонис инстинктивно скакнул влево и развернулся боком, пропуская врага мимо. Разбойник оказался между ним и каштаном, в который вжималась несчастная пастушка. Слепленный азартом Адонис потерял ее из вида – девушку заслонял топорщившийся кожух.

– Кхо! – долетело до Максимова, который в зрительской ажитации дополз уже до кромки липовой рощи. Еще сажень – и вот он, луг, ставший гладиаторской ареной.

Адонис ринулся с ножом, метя разбойнику чуть повыше брюха. Убил бы наповал, однако вражина совершил трюк, достойный акробата Жана Родригеса Мюллера, – колыхнулся маятником, ушел с линии атаки и, перекувырнувшись через плечо, отскочил от земли, как мячик. Он встал на ноги, а Адонис, будучи не в силах сдержать удара, воткнул нож прямо в грудь Афродиты.

К такому чудовищному повороту никто не был готов. Максимов оцепенел и прирос к траве, Адонис выпустил рукоять ножа, издал дикий вопль и обхватил обмякшую красавицу. Разбойник подскочил к нему, занес кинжал. По логике должен был последовать финал в духе Шекспира, где выживший персонаж – большая редкость. Но, видя отчаяние Адониса, разбойник вдруг проявил человечность, опустил кинжал и склонился над умирающей.

Максимов, опомнившись, взялся за ятаган, приготовился выскочить из укрытия, но кто-то сзади удержал его:

– Нет, Алекс! Никуда не беги!

Он обернулся. Анита стояла перед ним, запыхавшаяся, утомленная, в разодранном платье – явно после пробежки через лес.

Он заговорил вполголоса, срываясь на сип:

– Убили!.. Все, как ты предсказывала... Зови полицию, а я задержу этих!

– То, что сейчас произошло, – еще не самое жуткое. Бежим! Мы должны успеть...

Парадоксальные слова она произносила, Максимов ничего не понял.

– Куда бежим? О чем ты?

Краем глаза он смотрел на луг. Адонис рухнул на колени и патетическим жестом раскрылил на груди безрукавку, предлагая разбойнику совершить справедливое возмездие. Но тот придерживался другого мнения. Он сурово что-то прокаркал, показал на Афродиту, неподвижно лежавшую под каштаном. Она, безусловно, была мертва, – с раной, нанесенной таким могучим ударом, выжить невозможно.

Повинуясь врагу, который внезапно стал союзником, Адонис поднял пастушку на руки и зашагал с нею за холм. Разбойник шел за ним.

Максимов, никем не удерживаемый, выбежал на луг.

– Они уходят!

– Пусть! – Анита дернула его за рукав. – Я знаю, куда они отправятся. Есть короткая тропинка... Алекс, ты меня слышишь?

– Да.

– Тогда делай то, что я говорю, и ни о чем не спрашивай.

Анита прижала к телу неуместно пышный сейчас подол платья и помчалась обратно через лес. Алекс нагнал ее, а потом и обогнал. Размахивая ятаганом, расчищал путь. Анита оценила его старания.

– Смотри только, не задень меня этой штукой...

– Не задену. – Максимов снес низко нависавший сук и увидел, что тропинка раздваивается. – Куда дальше?

– Направо. Когда выбежим из леса, увидишь впереди овраг. Он нам и нужен.

– А где Вероника?

– Там. – Анита, силясь угнаться за ним, дышала все прерывистее. – У нее ответственное задание... – И прибавила раздраженно: – Алекс, мы же условились: все вопросы потом.

Липовая роща кончилась. Насчет оврага можно было и не предупреждать – ноги вынесли Максимова на покатый склон и понесли дальше, на дно глубокой ложбины. Он еле успевал переставлять их, чтобы не упасть и не покатиться кубарем.

Кто это внизу? Веронику в ее оборках и цветастой косынке не признать невозможно. Но она не одна – склонилась над кем-то. Максимов насилу умерил бег, встал, раздувая лег-

кие, словно кузнечные мехи, и замер, ошарашенный увиденным.

В овраге лежала девушка, одетая точь-в-точь как пастушка на лугу у холма. По виду целая и невредимая, только связанная. Вероника возилась с веревками, стараясь распутать хитроумные узлы. Анита еще на бегу разразилась бранью:

– *Vasa sin cerebro*¹! Ты все еще валандаешься?!

Слово «*valandatsa*» было у нее одним из самых любимых. Она выучила его почти сразу после приезда в Россию.

– Анна Сергевна! – взмолилась Вероника плаксиво. – Гляньте, как затянули ироды... Нипочем не развязать!

– *Ajutor!*!.. – простонала скрученная по рукам и ногам страдалица.

Ни Анита, ни Алекс, ни тем более Вероника румынского не знали, но по интонации и так было понятно, что прозвучала просьба о помощи. Максимов ятаганом рассек пеньковые волокна и освободил горемычную. Она попробовала встать, но затекшие конечности не слушались. Охнув, она села на слежавшуюся глину, выстилавшую овраг.

– Пожалуйста... вставай! – обратилась к ней Анита, для пущей доходчивости размашисто жестикулируя. – Нет времени ждать, они сейчас прибегут!

А они уже прибежали. Топоча, как табун лошадей-тяжеловозов, по склону сбежали разбойник в барашковой шапке и Адонис. По всему было заметно, что их враждебные чув-

¹ Безмозглая корова (*исп.*).

ства друг к другу окончательно улетучились, они бойко переговаривались между собой и, что удивительно, делали это на чистейшем русском.

– Может, надо было ее сразу... того? – вопрошал Адонис пронзительной фистулой.

– Дурак! – хрипел разбойник. – Пока мы с тобой на лугу козлами скакали, она бы уже окоченела. Здесь в полиции эксперт из Петербурга, он не идиот, с него станется заподозрить...

Но поразительнее всего оказались не пробудившиеся в этих двоих лингвистические способности, а то обстоятельство, что за ними рысила свежезарезанная Афродита. На ее рубашке Максимов не разглядел ни порезов, ни кровавых брызг, да и передвигалась она так споро, что предполагать наличие у нее проникающего ранения в области сердечной мышцы было нелепо.

– Опоздали... – выдавила Анита. – Теперь защищаться... Вероника, дай-ка мне вон ту дубину!

Горничная, свыкшаяся с тем, что ее повелители вечно попадают в передраги, не стала причитать. Она метнулась и принесла госпоже корявую палку, валявшуюся невдалеке, а сама, не найдя ничего более подходящего, вооружилась булыжником. Максимов очнулся от оцепенения и приподнял ятаган, приготовившись к обороне.

Разбойник, Адонис и чудом воскресшая луговая чаровница скатились с уклона и лицом к лицу столкнулись с теми,

кого совсем не рассчитывали здесь встретить.

– Добрый вечер, Юрий Антонович, – вежливо сказала Анита. – На бал-маскарад собрались? Этот костюмчик вам идет, а уж грим и вовсе бесподобен...

Ольшанский! То-то в голосе разбойника Максимов уловил что-то слышанное ранее, да с ходу не сообразил.

Генерал в бандитских отрепьях учтивости не проявил – обращение проигнорировал, оскалился и взмахнул кинжалом. Металл звякнул о металл – это Алекс пустил в ход ятаган. Вызволненная из силков румынка робко заскулила и отодвинулась от ристалища.

Турецкий ятаган был куда длиннее кинжала, и Максимов с самого начала получил преимущество. Он напирал на Ольшанского (только вблизи рассмотрел, что тот смахивает на ярмарочного скомороха с приклеенными усами и подведенными углем бровями), а генерал отступал, яростно защищаясь. Шапка слетела с него, обнажив взопревшую лысину. Можно было ускориться и решить бой удачным ударом, но Максимов вынужден был держать в поле зрения еще и Адониса, который подкрадывался сбоку со своим – уже не бутфорским! – ножом. Где-то позади притаилась Афродита, она по-кошачьи напружинилась и что-то замышляла.

– Алекс, осторожно! – выкрикнула Анита и огрела Адониса дубинкой по загривку.

Тотчас мнимая пастушка разъяренной тигрицей сиганула на нее. От толчка Анита выпустила палку, но сумела сжать

тянувшиеся к горлу пальцы с длинными ногтями, больше похожими на звериные когти.

– Анна Сергевна! – заблажила Вероника. – Держитесь! Щас я эту стерву...

Она пританцовывала с камнем в руке, прикидывая, как бы половчее тюкнуть коварную негодницу и не задеть при этом хозяйку. А та уже повалила Аниту, и они покатались, сплетаясь, как пара змей, и влипая в глину.

Адонис встряхнулся и вновь стал подкрадываться к Максиму.

– Вероника! – прокричала Анита, упершись коленкой в живот своей противницы. – Помоги Алексу! Я справлюсь...

Горничная швырнула каменюку в Адониса и угодила точнехонько под дых. Негодяй сложился пополам, Максимов, изловчившись, лягнул его ногой и сшиб, как кеглю.

Одним меньше. Пора заканчивать с Олышанским и вызывать Аниту.

– Ну что, Юрий... мать вашу... Антонович? Наигрались? Развернулось сверкающее полукружье – ятаган взрезал наполозшую в овраг вечернюю дымку. Бум! – кинжал вырвался из пятерни генерала и, вращаясь австралийским бумерангом, улетел сажень на пять. Максимов приставил острие к дергавшемуся кадыку Олышанского.

– Сдаетесь?

Юрий Антонович совершил неуловимое движение, невероятное при его комплекции, оказался вне досягаемости

клинка и вытащил из своих лохмотьев револьвер. Это был шестизарядный «Кольт Уокер» сорок четвертого калибра. Его громоздкость – удлиненное дуло, вес в пять фунтов – с лихвой компенсировалась прочими характеристиками: он бил прицельно на сто ярдов, а уж продырявить человека с расстояния в шесть-семь шагов мог даже слепой.

– Наигрались, Алексей Петрович? – насмешливо повторил слова Максимова подлый генерал. – Бросайте вашу железяку, она вам не понадобится... Впрочем, сдачи не требую. Я вас все равно пристрелю, вы же понимаете?

Пасть бы Алексу смертью храбрых, но в битву вмешалось еще одно действующее лицо. Сминая чахлые кустики, в овраг ссыпался Адонис номер два – фигурой и одеждой он был похож на первого, как близнец. Максимов, хоть и находился на волосок от гибели, невольно подивился: сегодня что, парад двойников?

– Мерзавцы! – загремел новичок без какого-либо акцента. – Гнусные твари!

– Жоржи! – взвизгнула румынка, отползшая уже на изрядное расстояние.

Он адресовал ей взгляд, полный симпатии, убедился, что с ней все в порядке, и направил свой бег в самую гущу сражения. Генерал, отвлекшись от Алекса, выпалил из револьвера, но пуля ушла в небеса. Два скачка – и Максимов, приблизившись к Ольшанскому вплотную, шараясь по плешивой макушке. Специально повернул лезвие плаш-

мя, чтобы не убить, а только оглушить. Юрия Антоновича повело, он опрокинулся навзничь и закрыл глаза.

– Готов!

Рядом вспыхнула новая стычка – это схватились врукопашную два Адониса. Максимов подобрал валявшийся в желтой глиняной пыли «Кольт Уокер» и деликатно осведомился:

– Милостивый государь, вам помочь?

Вопрос предназначался, конечно же, Адонису-второму. И оказался праздным, поскольку раунд завершился в считанные мгновения победой доброго начала над злым. Приспешник Ольшанского, поверженный на обе лопатки и схваченный за выю, истошно взвыл:

– Пощады! Я ничего не делал... никого не убивал!

– Да уж видим... – молвила Анита, отдуваясь и поправляя вконец испорченное платье. – Из тебя душегуб, как из Алекса архиерей.

И где набралась таких выражений?

На спасение благоверной Максимов не поспел – она, как и обещала, справилась самостоятельно, а вернее, при содействии Вероники, которая за волосы оттащила от нее царяпавшуюся и верещавшую от бессильной злобы Афродиту. О да, пастушка уже не казалась Максиму ангельским дитятей, ее лицо, размалеванное так же густо, как и у подельников, исказилось, по нему ручьями текли слезы, но они не вызвали сострадания.

Меж тем все участники завершившегося побоища стали очевидцами истинного любовного союза. Адонис – не поверженный и трясущийся, а другой, взапवादшнй – бережно поднял прекрасную румынку, истово расцеловал и зарылся губами в ее локоны, повторяя:

– Марица! Марица! Как же я так?..

– Не казните, сударь, – обратилась к нему Анита. – Все закончилось благополучно. Давайте-ка свяжем этих прохвостов, пока не разбежались. Как вас, кстати, зовут?

– Георгий Михайлович.

– Олышанский?

– Да... Откуда вам ведомо?

– Секрет Полишинеля... – Она усмехнулась и оторвала от рукава висевшую на двух нитках манжету. – Ваша история в общих чертах мне известна, но было бы любопытно услышать ее целиком.

– Мне тоже, – не вытерпел Максимов, которому осточертело присутствовать здесь на правах ничего не ведающей марionетки. – Что все это значит, черт возьми? И кто эти люди?

Он ткнул в сторону нахохлившихся пленных.

– Ах да! – Анита наконец явила милость и снизошла до пояснений. – Перед тобой актеры крепостного театра помещиков Олышанских. Твою Афродиту на самом деле величают Прасковьей, а Адониса – Кузьмой. Я больше чем уверена, что за надлежащее выполнение задания им обещана вольная. Иначе б они так не усердствовали.

Она коснулась ссадины на подбородке.

– А этот? – Максимов поддернул за шиворот очухавшегося генерала-разбойника. – Тоже крепостной?

– Нет. Это родной брат госпожи Ольшанской. Имя и отчество подлинные, а фамилия... Собственно, какая разница? Насколько могу судить, он и правда был когда-то военным, это подтверждают выправка и умение обращаться с оружием. Но на генерала все-таки не тянет.

– Не послушалась меня Наталья, – процедил Юрий Антонович сквозь зубы. – Было у меня предчувствие, что с вами неприятностей не оберешься...

Настоящий Ольшанский, тот, который Георгий Михайлович, подвел к Аните и Алексу свою румынку, и она неуклюже исполнила что-то вроде реверанса.

– Это моя невеста, – представил он ее с трогательностью в голосе. – Все, чего мы жаждем, – быть вместе. Но нам мешают.

– Остолоп! – свирепо пробурчал лжегенерал. – На что надеешься? Никто тебя с этой чернавкой не обвенчает. При законной-то супружнице...

– Что-о? – взревел Георгий Михайлович и вырвал у Максимова ятаган. – Извольте встать и защищаться! За оскорбление вы мне заплатите кровью!

Ряженный не шелохнулся и посмотрел с безразличием.

– Бросьте вы его, – попросила Анита вспыльчивого жениха. – Он уже отвоевал. А наша баталия еще продолжается.

Пора ставить точку.

...Переодевшись и второпях сполоснув измазанное глиной лицо, Анита в сопровождении Алекса отправилась в особняк с атлантами и кариатидами. Им открыл слуга в кофеварке, проворчал неприветливо:

– Кого нать?

– Позови барыню, милейший, да поживее, – потребовал Максимов.

– Барыня почивать изволят. Не велели будить.

– Хорошо, – согласилась Анита. – Тогда, как проснется, передай, что своего братца она получит в полиции. Кстати, ее показания тоже потребуются.

Мужик захлопал зенками, а по мраморной лестнице уже спускалась, мелко переставляя ноги в замшевых пантуфлях, госпожа Ольшанская.

– Вы?! – воззрилась она на пришедших. – Вас выпустили?..

– Считайте, что так. – Анита смерила ее взглядом, не предвещавшим ничего хорошего. – Никакой оспы у Алекса не было, и вам это известно. Что вы подмешали нам в еду?

– Вы бредите! – Наталья Гавриловна изобразила возмущение. – Мы сидели с вами за одним столом, ели то же самое!

– Это да. Но я подметила, что африканский огурец положили только нам с Алексом. Я едва притронулась, а Алекс умял свою порцию полностью. Это ведь очень редкий плод, так? Вероятность, что мы его никогда не пробовали и не зна-

ем вкуса, была почти стопроцентной. Так что вы вполне могли вымочить его в какой-нибудь гадости, которая вызывает реакцию, похожую на признаки оспы.

– Я об этом не подумал, – признался Максимов, восхищенный проникательностью Аниты. – Но для чего это понадобилось?

– Схема, если вдуматься, логичная. Требовалось запереть тебя в изолятор. Есть эпидемия оспы, распоряжение властей насчет карантина. Оставалось подкупить Рахима или кого-то еще из персонала и договориться, чтобы тебя поместили не абы куда, а в торцевую комнату с видом на холм и луг.

– Зачем?!

Анита переглянулась с Ольшанской, чье румяное лицо на глазах теряло краски и бледнело.

– Сами расскажете? Нет? Тогда я... Видишь ли, Алекс, у Натальи Гавриловны не сложилась личная жизнь. Первый муж скончался от чахотки, второго... к слову, он как раз и был генералом от инфантерии... сразила шальная пуля на Кавказе. Нет у нее и сына Васеньки – это выдумка. Пребывать к сорока пяти годам в статусе бездетной дважды вдовы – та еще фортуна... Но на ее пути возник Григорий Михайлович Ольшанский, с которым мы сегодня имели честь познакомиться. Статный красавец, лет на пятнадцать моложе. Допускаю, что с его стороны имела место корысть, ибо имение у Натальи Гавриловны и впрямь богатое. Так или иначе состоялась свадьба, семейное счастье длилось года полтора,

а потом Григорий Михайлович, будучи профессиональным этнографом, уехал в командировку в Румынию – собирать фольклор. И не вернулся.

– Не вернулся? – переспросил Максимов. – Это как?

– Отыскал себе зазнобу. Пусть и крестьянского происхождения, зато по летам, невинную, очаровательную... Да ты ее видел. Наталья Гавриловна ждала-ждала, письма писала, а на них – ни ответа ни привета. Обеспокоилась, отправила гонцов, они все разведали и доложили, что ее муженек сошелся с некой Марицей, живущей на хуторе близ Констанцы, и пребывает с ней в довольстве и неге. Так как ее родители на брак не соглашались... а по мне, просто набивали цену, желая продать ее повыгоднее... Григорий Михайлович поселился отдельно, слился, если можно так выразиться, со средой, зарабатывал учительством, а свободные минуты проводил со своей... как ты ее назвал?.. Афродитой?

– Не ее, а другую, – бормотнул сконфуженный Алекс.

– Не суть. Наталья Гавриловна воспылала гневом и в приступе неистовства придумала чудовищный план, как устранить разлучницу и вернуть любимого.

Пышные ланиты Ольшанской сделались белыми.

– Откуда вы все это взяли? – задребезжала она, шевельнув пересохшим ртом. – Что за чушь!

Ее зрачки запылали огнем, она стиснула холеные пальцы – вот-вот набросится.

Но Аниту нелегко было вывести из равновесия.

– Вы привезли сюда столько дворни... Моя служанка Вероника – а глаз у нее наметанный – вычислила самых болтливых, они ей все и выложили. А я тем временем расспросила хуторян относительно Григория Михайловича и Марицы. Общая картина вырисовалась ясно, а прочее несложно было достроить дедуктивным методом.

– И что же вы достроили?

– А вот что. Вы отправили своих верных людей – актеров-самоучек – разыграть перед Алексом водевиль. Было очевидно, что, запертый в карцере, он волей-неволей станет глядеть в окно. А там – восхитительное действо в духе Дафниса и Хлои. Надобно признать, что свои сценические этюды они разыграли отменно. Правда, Алекс?

Максимов промычал что-то невнятное. Стыдно было признаться, что кривлянья доморощенных лицедеев он принял за проявление возвышенной страсти.

– Затем, – продолжала Анита невозмутимо, – настала пора подключиться Юрию Антоновичу. Он выступил в амплуа ревнивца, который тоже якобы имел виды на Марицу. Я узнала: недавно в хуторе был на постое цыганский табор, и какой-то конокрад решил приударить за ней. Григорий Михайлович дал ему отпор, и вскоре табор удалился в неизвестном направлении. Но ведь нетрудно было сочинить, что цыган воротился, чтобы свести счеты с соперником.

– По-моему, в вашем стремлении фантазировать вы переходите за грани, – проскрежетала госпожа Олышанская. –

Насколько я понимаю, из карантинного заведения вы сбежали. Это прямое нарушение санитарных инструкций. Я велю своим холопам препроводить вас куда следует.

Она потянулась к шнурку, висевшему сбоку от входной двери.

– Не торопитесь, – обезоруживающе улыбнулась Анита. – Вы отстали от жизни. Эпидемию удалось обуздать, с сегодняшнего дня срок обязательного карантина сокращен до пяти суток, циркуляр об этом вывешен на городской площади. А пять суток мы уже отбыли.

Рука Натальи Гавриловны опустилась, на ее белом лице появились зеленые пятна.

– Чего вы хотите? – проговорила она тихо.

– Для начала досказать. Пока ведь все верно, да? Я ни в чем не ошиблась? Вижу, что нет... Ваш брат должен был подыграть главным героям, в результате чего Алекс стал бы свидетелем непреднамеренного убийства злосчастной румынки. Расстояние было подобрано с таким расчетом, чтобы он разглядел фигуры и одежду, а лица – очень смутно. Что потом? Он, конечно, поднял бы шум, добился вызова полиции, и она нашла бы в овраге неподалеку бездыханный труп Марицы. Ее похитили из виноградника, где она работала одна, связали и приволокли в овраг – я это видела, но поблизости не оказалось никого, кто сумел бы ее отбить.

Максимов слушал внимательно, но далеко не все из сказанного укладывалось в его сознании.

– А что было бы дальше?

– Дальше? Ты выступил бы главным свидетелем, подтвердил на следствии, что Марицу убили у тебя на глазах, и подробно описал убийцу. О любовном пыле Григория Михайловича осведомлен весь хутор, ему было бы не отвертеться.

– Но показания мог дать и ее брат. – Алекс кивнул на одеревеневшую Ольшанскую.

– Он не имел права раскрывать свою личность, ему пришлось бы придерживаться роли бродяги. Ты – другое дело. Дворянин из Петербурга, офицер с безупречной репутацией. Твоему слову поверили бы безоговорочно.

– То есть вы планировали избавиться от соперницы и посадить мужа в тюрьму? – повернулся Максимов к Ольшанской.

Наталья Гавриловна распахнула ресницы, опалила его огнем, но ничего не сказала.

– Нет, Алекс, я уверена, что ее прожект состоял в другом. Отправить Марицу на тот свет – да. Но сгноить мужа в каземате... Незачем было тогда, как выражаются русские, *gorodit ogorod*. Убийство обставили как неумышленное, чтобы иметь возможность оправдать подсудимого. Тут все очень тонко... Представь себе: упекли его в кутузку, ждет он судебного заседания, а к нему на свидание приходит жена. Ставит условие: если он желает освобождения, то должен поклясться, что вернется к ней и навсегда забудет о всяческих интрижках. В противном случае она не станет нанимать

адвоката, а наоборот, даст денег обвинителю, чтобы тот добился максимального срока. Как, по-твоему, пошел бы он на такую сделку, особенно если учесть, что Марица для него потеряна навсегда?

– Но что ему стоило пообещать, а потом нарушить клятву?

– Сомневаешься в его честности? Он аристократ, его отец – граф, хоть и обнищавший... И потом – Наталья Гавриловна всегда могла пригрозить, что добьется пересмотра дела об убийстве. Он жил бы, как под дамокловым мечом.

– Насильно мил не будешь, – изрек Максимов избитую мудрость. – Незавидное счастье она ему готовила...

Ольшанская окрасилась в цвет медного купороса и сорвалась на крик:

– Довольно! Мне надоело выслушивать ваши измышления... Прохор, Митяй, Афанасий, ко мне! Вышвырните их вон!

Из неосвещенных углов призраками выдвинулись три здоровенных детины и, засучив рукава, обступили гостей. Максимов потянулся к заднему карману, чтобы достать предусмотрительно взятый пистолет, но с хряском отворилась дверь, и в дом вошли пятеро жандармов, а с ними – Григорий Михайлович.

– А, моя ненаглядная! – провозгласил он с издевкой, протягивая руки к злокозненной супруге. – Приехала навестить меня? Давненько не виделись.

– Подонок! – бросила она ему с надрывом. – Ты растоптал мои чувства...

– Боже мой, сколько пафоса! Господа, – это относилось уже к жандармам, – будьте добры, проводите ее в участок.

– По какому праву? – Ольшанская поглядела на свою челядь в поисках поддержки, но детины остереглись связываться с блюстителями порядка и рассосались по углам.

– Тебе тоже придется ответить. Твои актришки и мой обожаемый шурин во всем сознались, очередь за тобой.

Наталья Гариловна разрыдалась, а Анита толкнула Алекса локтем и указала глазами на выход.

Позже они сидели за столом в снятом в Констанце небольшом домике, далеко не таком фешенебельном, как особняк Ольшанских, и пили молдавское вино. Потягивая из фужера коралловую жидкость, Максимов не переставал восторгаться супругой:

– Ты молодчина... Но разрази меня гром, не возьму в толк, как ты обо всем догадалась!

– У меня уже имелись сомнения по поводу Ольшанских... Когда русские помещики выезжают в Европу, они стараются походить на европейцев. Им как будто совестно за свою рускость. А тут – сарафаны, яловые сапоги, вышитые рубахи... Недоставало только самоваров с балалайками. Ольшанская и ее свора приманивали к себе соотечественников, выбирая того, кто подошел бы им для осуществления плана. Попался ты...

– Но они и тебя засадили в барак...

– Наталья Гавриловна неглупа, она смекнула, что я буду помехой.

– Она тебя недооценила.

– Возможно. Но ты, признаться, меня удивил... Столько дней любовался из окна на балаганные шутов и не раскусил, что все это – сплошная клоунада.

Максимов потупился. Не делиться же с Анитой воспоминаниями о том, как карамельно ныло под ложечкой, когда Афродита, чтоб ее леший забодал, павой выступала из рошницы. Мужской взгляд на женщину всегда пристрастен, сердце доверчиво, а рассудок склонен к иллюзиям.

Анита не стала выпытывать его потаенные мысли. Она отодвинула фужер и как бы невзначай проронила:

– А ты помнишь мои любимые строки из Овидия?

– Помню. – Алекс встал из-за стола и расстегнул ворот. – Но к тебе они не относятся.

Он взял ее за плечи и повлек в спальню.

Инна Бачинская

Столкновение

*Ехали на тройке с бубенцами,
А вдали мелькали огоньки...
Эх, когда бы мне теперь за вами,
Душу бы развеять от тоски!..
Ехали на тройке с бубенцами,
Да теперь проехали давно!*

Константин Подревский «Дорогой длинною»

Деловые партнеры пожали друг другу руки и попрощались. Карл призывно махнул такси, а Игорь не торопясь пошел по вечернему городу в сторону башни. По авеню де Нью-Йорк, шумной, яркой, сверкающей, с бесконечным потоком галдящих туристов. В гостиницу рано, делать все равно нечего. Это был его третий вечер в Париже.

В первый он бродил по улицам, «впитывал» в себя дух Парижа. Лиза просилась с ним, но кто ж суется со своим самоваром в Париж? Сиди дома, клуша, занимайся хозяйством. Нечего тебе там делать, лавок достаточно и дома. Сказал, что будет занят, твердо пообещал парижские каникулы... когда-нибудь. Вот тогда и оторвешься по бутикам! Лиза надулась.

Настроенный на игривый лад, он шел через крикливую

толпу, заглядывая в глаза женщинам, ожидая искры, роковой встречи, счастливой случайности. Увидел здорового детину в клетчатой юбке, играющего на волынке. Тот раздувал красные щеки, хмурился от напряжения и притопывал ногой в здоровенном солдатском ботинке. Через квартал старик в берете крутил шарманку с картинками. Этот был похож на француза, правда, когда какой-то зевака зацепился за распорки его инструмента, старик выругался по-польски. На углу сидел смуглый тип в чалме, размахивая зажатой в руке дудочкой, что-то доказывал французскому копу... *Ажану!* Перед типом лежал на тротуаре кожаный мешок, в который тыкал пальцем полицейский. Неужели кобра?

Гомонящая разношерстная толпа утомила его, он чувствовал, как вянет на корню прекрасное ожидание парижских чудес. А где парижанки? Те самые, выпархивающие из карет, всякие субретки, модистки, актриски варьете? Игривые, живые, флиртующие? Готовые к прекрасным мимолетным ни к чему не обязывающим отношениям?

Его удивило обилие африканцев. На тротуарах валялся мусор. Зазывала затащил его в автобус с экскурсией «Вечерний Париж». Он спросил «Монмартр», и тот залопотал что-то, оживленно размахивая руками – по-видимому, убеждал, что да, а как же, конечно, куда ж без Монмартра! Он глазел в окно, напрасно пытаясь выловить знакомые слова (хоть одно) из того, что кричал в микрофон гид, тощий неряшливый кадыкастый парень, и не мог. Резкий пронзительный голос

бил по ушам. На первой же остановке, у площади Шарля де Голля, он удрал. Постоял перед Триумфальной аркой, пытаюсь вспомнить, зачем ее построили. Кажется, что-то связанное с Наполеоном, возились чуть не полвека. Сейчас сделали бы за год-два. Решил, что впечатляет, солидное сооружение, удачная подсветка, видно издалека. И Вечный огонь... Интересно, какая высота... Прикинул: метров пятьдесят? Больше? Вроде еще музей внутри, вспомнил. Надо будет почитать. Мысленно поставил галочку, отметил.

Достал из папки карту, нашел арку и площадь... Площадь-звезда, лучи во все стороны. Точно, звезда. Елисейские Поля! Он вспомнил рекламный проспект, подобранный в холле гостиницы... Шанз-Элизе, рай для влюбленных. Это в каком же смысле? Широченная прямая улица, похоже, через весь город... А он думал, вроде парка с кафешками. А при чем здесь рай?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.